

Я понял, ощутил, пощупал, какое это счастье — быть автором. Человеком, который тихо сидит в зале, неприметный для непосвященных. Дирижер кричит, режиссер кричит, все вокруг суетится и бегают — потому что их задача воплотить то, что было задумано этим вот неприметным. Автором. Он ведь и есть главная, ключевая фигура — я это не раз испытал в театре, в балете, в кино. И величайшее счастье — быть этой главной фигурой для меня всегда было колоссальным допингом.

— Вы вообще честопобивы или случайно, постфактум это обнаружили?

— Думаю, честопобив. Но можно сказать, что свое честопобие процентов на девяносто я уже удовлетворил. Я уже добился многого, и все сам. Я родился в Ташкенте в самой обыкновенной семье, к музыке никакого отношения не имеющей. И знакомых, имеющих какую-то власть, могущих как-то помочь, у моих родителей никогда не было. Но недаром, наверное, моими любимыми героями детства и юности были Наполеон и Моцарт. Первый — как некий символ достижения всего задуманного, второй — как великий музыкальный талант.

— А Моцарт какой — пушкинский?

— Нет, реальный. Я очень любил читать всякие музыкальные биографии, меня поражаа ранний расцвет Моцарта, поразительное завоевание всяческих, до сих пор признаваемых недостижимыми высот. За этим, правда, последовала грустная судьба, ранняя смерть. А жизнь свою строил, именно на него ориентируясь, как цепь всяческих завоеваний. Может, и раннее вхождение в музыку в качестве создателя от этого.

— Как я поняла, музыкальное дарование у вас ниоткуда, не из семьи?

— Ни мои родители, ни деды музыки не занимались. Правда, мама замечательно пела, не профессионально, конечно, а просто так. Но и я, и брат, и наши дети стали музыкантами, причем не для домашнего пользования, а высокого класса. Мой брат — концертмейстер Тель-авивского симфонического оркестра, играет по всему миру. Его сын сейчас один из выдающихся скрипачей. Мои двое сыновей тоже талантливые музыканты, младший уже пишет.

Значит, музыкальный ген бродил где-то в родословной, ожидая времени. И оно наступило.

— Когда вы это ощутили, не во время ли исполнения своей первой симфонии?

— Не могу сказать, что это исполнение внешне изменило мою жизнь, но запоминающийся, яркий первый шаг дал толчок, я понял, что надо ставить перед собой большие задачи. Потом внешне все долго было как у всех. Учился в Москве, в Гнесинском институте, потом в консерваторский аспирантуре в Ленинграде, написал диссертацию о Малере как музыковед. И все у меня было на уровне. Но изнутри жгло — мало, мало! Мне захотелось завоевать внимание публики. Сначала ленинградской. И тогда родился «Орфей». А потом, год спустя, Понаровская спела «Мольбу». Помните: «Зови меня, любовь, зови на край земли»? Это было вторым нашим общим успехом. А для меня — завоеванием Ленинграда.

— А почему вы уехали из Ленинграда — ведь все так замечательно складывалось?

— Тому были и личные причины — мой первый брак распался, потом я женился во второй раз, а жена была москвичкой. Она тоже занималась серьезным делом — переводила немецких поэтов, и вполне успешно, и в ее планы не входил переезд. В общем, мы решили, что будем жить в Москве. И все-таки, даже если бы не было этой причины, трудно столица входила в число моих целей. Это нормаль-

но. Тогда (да и сейчас, наверное, тоже) в Москве концентрировалась вся жизнь страны. В общем, мне пришлось начать все заново. Двенадцать лет я жил в столице и положил эти годы на ее завоевание. Думаю, в каком-то смысле мне это удалось. Потому что я стал здесь достаточно известным и даже знаменитым. Писал музыку к «Эскадрону гусар летучих», к «Письмам мертвого человека», к «Блуждающим звездам». На сцене ставились мои мюзиклы. Обо мне снимали телепередачи и писали газеты. Я даже стал зарабатывать много денег. И вот в 90-м году почувствовал — кажется, что и двигаться больше некуда. А я не люблю этого ощущения.

А тут мне предложили контракт — работу композитора резиданс, это трудно перевести, что-то вроде композитора в доме. Домом этим была большая организация, которая

— Вот это да! Разве это ваша профессия?

— Это удивительно, но там совсем другое отношение и к образованию, и к преподавателям. Они считают: если я музыкант, работавший в кино и театре, знающий их изнутри, то я и есть самый главный профессионал. И действительно, как-то втянулся, сейчас все свои курсы знаю наизусть, и теперь раз в неделю у меня трехчасовые встречи с двадцатью студентами, которым я с удовольствием рассказываю о том, что знаю и люблю.

— Это какой-то специализированный музыкальный или театальный колледж?

— Нет, знаете, в Америке даже ни одной консерватории нет. Принцип образования совсем другой. Во-первых, студент сам выбирает, какие предметы он должен освоить. Необходимо только набрать определенное количество так называемых кредит-баллов.

Александр ЖУРБИН:

Я ЧЕЛОВЕК ОТКРЫТЫЙ. ДЛЯ УДАЧИ!

Ах, какое это было событие застойного 75-го, когда ленинградский ансамбль «Поющие гитары» предъявил публике, которой внушалось, что рок — слово ругательное, «Орфея и Эвридику» с красавицей Ириной Понаровской! Тридцатилетний композитор Журбин, что называется, проснулся знаменитым на следующее утро после премьеры. Хотя до этого за его плечами было уже пятнадцать лет довольно серьезной творческой работы. Сейчас, когда Александр Журбин стоит на пороге своего пятидесятилетия, когда он написал уже шесть опер, три балета, шестнадцать мюзиклов, музыку к пятидесяти кинофильмам, заканчивает свою третью симфонию — в промежутках между преподаванием в нью-йоркском колледже и работой в русско-американском театре «Блуждающие звезды», — он все равно благодарно помнит, как все счастливо сложилось в самом начале.

занималась музыкой и искусством, а в мои обязанности входило консультировать начинающих, оценивать работу тех, с кем заключаются контракты на концертную деятельность, и много чего еще. В общем, я решил ехать. Ведь это нормально — стремиться попробовать многое.

— А почему если пробовать, то в Америке?

— Потому что эта страна всегда влекла меня. С детства для меня Америка — это джаз, поп- и рок-музыка, фильмы, которые я обожал, американские мюзиклы, театр, которых я, конечно, не видел вживую, но много о них слышал. Все это манило ужасно.

— А языком вы владели?

— Очень плохо. Как все музыканты, знал джазовые песни и песни битлов, а разговорным не владел, можно сказать, вовсе. Но оказалось, что в Америке, и особенно в городе, где я сейчас живу и который обожаю, иностранцем себя не чувствуешь — никогда, с первого дня. Если вы в Париже — вы иностранец и до конца дней останетесь им. Так же в Германии, Италии, даже в Англии. А в Америке — нет, потому что там все иностранцы, все говорят с акцентом, все откуда-то приехали, все — дети разных стран. И что удивительно, там все не очень хорошо говорят по-английски. И вообще это поразительно добрая к своим гостям страна. Мне это страшно понравилось, как и то, что там каждый получает только то, что он действительно может и чего стоит. И в зрелом возрасте, пять лет назад, я начал эту новую жизнь. Это трудно, особенно вначале, да и до сих пор непросто. Потому что там завоевать место, которое вроде уже было моим здесь, дома, очень нелегко. Но я считаю, что тружусь над взятием своей третьей высоты.

— Вы продолжаете работать на месте первого контракта?

— Нет, я сейчас читаю лекции по истории театра в колледже.

Их можно получить, прослушав курс японской литературы, автомобилестроения и ботаники. Или истории театра, кино. Или еще чего-нибудь абсолютно другого. Это и есть образование.

— А если восемнадцатилетний человек ошибется и выберет не то?

— Американцы доверяют своим детям и вообще молодым людям. Они считают, дети могут выбрать сами. И действительно, американские дети страшно самостоятельны.

— А вы — они русские дети или американские?

— Со мной сейчас только младший сын. Я уже говорил, он пишет музыку, готовится к поступлению в колледж, заканчивает школу. Дома мы говорим по-русски, но, как ни странно, когда мне надо объяснить ему что-то очень важное, переходим на английский: он так лучше понимает. Все книги он читает только на английском, и вообще его общение только американское. Или почти только. Здесь, конечно, многое зависит от района, где мы живем. Это — центр Манхэттена, это очень далеко от Бруклина, где Брайтон, где все надписи по-русски и где все говорят по-русски.

— Насколько я понимаю, это очень дорого?

— Да, это дорого. И я плачу за квартиру в три раза дороже, чем на Брайтоне. Но я сразу решил — у меня же одна жизнь, правда? И в ней, может, нет десяти лет, которые можно прожить в Бруклине, копия на будущую жизнь. Лучше я сейчас буду тратить эти деньги. И поживу в прекрасном месте, и мой сын будет наслаждаться настоящим Нью-Йорком, ведь мы живем недалеко от Карнеги-холла, Линкольн-центра, бродвейских театров. Я приехал жить в Америку, а не на ее территории — многие эмигранты живут так, и это большая разница. Я выбрал иную жизнь, среди американцев.

■ Картины Гликмана тоже уедут в Нью-Йорк. Вместе с Журбиным.

— Вы сказали, что сын читает только по-английски, а как вы, какие у вас дома книги?

— Гуд квестен (смеется). Когда мы уезжали, взяли с собой всего три чемодана, какие уж тут книги, мы и не думали, что уезжаем надолго. Только сейчас, на днях, я отправил в Нью-Йорк два огромных контейнера с книгами. И все равно много еще осталось. Но вы знаете, в общем-то, там книги вообще не нужны. Дело в том, что там совершенно по-другому устроена сеть библиотек. Они огромные, шикарные, бесплатные, круглосуточно работающие, ну с 9 утра до 9 вечера можно получить любую книгу, видео, пластинку, компакт-диск — есть все. И держать дома огромное количество книг, как это мы все привыкли, незачем. Да, еще у меня дома компьютер, даже два, который любую информацию доносит мгновенно. Любая страница любого издания приходит ко мне на экран путем нажатия кнопок. Да и читать-то особенно некогда.

Времени нет. Все вокруг напряженно работают. И я, и моя жена (она рассталась с немецкой поэзией, сейчас ведет передачи на русском телевидении и еще работает там же продюсером), и мой сын тоже. С утра до вечера происходит столько событий, надо везде успевать, надо обо всем знать, читать газеты, журналы. Так что посидеть, полистать Достоевского, к примеру, очень редко получается. Я думаю, что и в России сейчас так же, сейчас здесь все тоже крутится, спешит, я так чувствую, что интерес к изящной литературе здесь тоже сильно потерян. А там давно так.

— А зачем же книги отправлять?

— Да, отправил, три тысячи заплатил — классики, литературные памятники, все это собралось годами. Чувствую, что это надо сохранить, я всю жизнь потратил, их собирая. Одно расстройство...

— Да не расстраивайтесь вы так, может, еще будете читать, и с таким удовольствием!

— Когда? У меня же еще одно любимое детище — театр. Мы делаем русский театр на русском языке для русской публики. И вместе с тем для американской тоже. В мае о нас написала «Нью-Йорк таймс», это по американским понятиям все равно что по нашему орден Ленина получить в прежние времена. Это такая газета, которая абы о ком и о чем не пишет, снобистская, так сказать. Вот, например, покончила с собой дочь Марлона Брандо, все газеты вышли с шапками — соболезнования! А «Таймс» даже одной строчкой ему не посвятила, дескать, частное дело семьи

Брандо. И вдруг такой сюрприз — большая статья, с фотографиями. После нее к нам стало приходить много американцев: если «Нью-Йорк таймс» пишет, значит, это стоит смотреть. Конечно, мы для них экзотика, и им страшно интересно, что же это такое русские делают, чего у нас нет? Наш театр показывает им неизвестную Россию.

— А театр — это что, труща, здание, репертуар?

— Своего помещения у нас нет. Собралась группа — пятнадцать человек, все актеры из России. Из знаменитых — Елена Соловей, Козинцев из Театра Руставели. Их вообще в Америке всего человек 60 — 80, выбирать трудно. Это не то, что американский актерский рынок. В Нью-Йорке 25 тысяч безработных актеров, то есть тех, кто ходит на прослушивание, ждет контракта, а в промежутках между ними получает пособие от профсоюза, чтобы есть было на что. И когда я делал спектакль в музыкальном американском театре и нам нужен был 62-летний баритон приятной наружности и крепкого телосложения, на просмотр пришли пятьдесят. Я подозреваю, что, если будет нужен одноглазый актер без левого уха, и такой обязательно найдется, и даже не один.

У нас все-таки несколько другой театр, больше напоминающий наш, привычный. У нас репертуар, несколько спектаклей.

— А вы в этом театре в каком качестве?

— Продюсера, менеджера.

— Как же это так получилось? Музыкант, композитор, откуда же у вас знания, умение, да еще в чужой стране, с незнакомыми правилами бытия?

— Я всегда верю, что человек, успешный в своем деле — художник, музыкант, актер, режиссер — кто угодно, обладает задатками хорошего менеджера. Потому что без этого нельзя добиться настоящего успеха. Ты всегда должен уметь правильно распределить свои дела и правильно сделать рекламу самому себе. Это все входит в комплекс того, что называется — хороший артист. Уверю вас, что Ростропович — гениальный менеджер, может, даже лучший, чем музыкант. Он потрясающе умеет сделать себе мировую известность, обратить на себя око. Даже когда жертвует деньги или играет у Берлинской стены на виолончели. Он умный — точно знает, где надо появиться. И это правильно. Я — конечно, на своем уровне — всегда умел организовывать свои дела. И когда приехал в Америку и понял, что там все по-другому, в какой-то степени занялся менедж-

ментом в первую очередь. Я организовал этот театр, нашел для него спонсоров, помещения для репетиций, договорился, где мы будем выступать. Это занимает полжизни, но делать-то надо.

— Театр — это коммерческое для вас предприятие?

— Денег он мне не приносит, скорее наоборот, я трачу на него свои. Он — для души, для радости, для счастья от того, что мы выходим на сцену.

— А что вас сейчас привело в Москву?

— Фильм, к которому я должен написать музыку.

— Наш фильм?

— Нет, американский, но сниматься он будет в России. И продюсер этого фильма попросил меня найти в России контакт с теми, с кем можно будет работать съемочной группой, когда она придет сюда. Я нашел.

— Ваша киносудьба продолжается?

— Я написал музыку к двум фильмам, сейчас предстоит третий. Это, конечно, не фильмы главных студий, попасть на них мне, пожалуй, уже не придется. В Америке тысячи композиторов, уже «приписанных» к киносудьбе, и я, конечно, в их число не вхожу. Но я скажу так — я открыт для удачи. Всегда, может быть, кто-то услышит, как я играю дома или в ресторане (я это делаю всегда с большим удовольствием, потому что люблю доставлять людям радость, а если за это еще и деньги платят!), подойдет и скажет: «Молодой человек, вы мне нравитесь, вот моя визитная карточка, позвоните обязательно». Так бывает, у меня было, и не один раз.

Сейчас я еще начал работу над созданием русского центра в Нью-Йорке. Представляете, везде, даже в Улан-Баторе, такой центр есть, а там — нет. Может, если все получится, центр станет и коммерчески выгодным предприятием — ведь мы предполагаем, что там будут рестораны, кафе, бар, конечно, театральные залы, кинозалы, помещения для деловых встреч, бильярда. Он мог бы стать клубом для всех русских, приезжающих в Нью-Йорк. Я очень увлечен этим проектом, сейчас ищу спонсоров и даже просто людей с идеями по этому поводу — всех прошу звонить мне. (212) 799-0439, а факс (212) 799-6313. Пусть этот русский дом в Америке станет нашим общим домом. Так что вот такие планы — большие, я бы сказал. Я надеюсь на удачу.

Беседу вел
Ирина ЛОБАЧЕВА.
Фото Сергея ЧЕМЕЗИНОВА.